

ХИКИКОМОРИ КАМИЛЛА

Рассказ

...От человечности. Вот от чего Камиллу тошнило, как от кучи навоза, выдаваемой арт-мейкерами за пирамиду с захоронениями древних богов. От самой причастности к человечеству и гуманистичного требования быть человеческой её выворачивало, как рыбу, выброшенную на берег.

Камилла не выходила из дома две недели и не выходила бы ещё дольше, но её запас энергетиков иссяк, а заказать их на дом было невозможно – ограничение 18+ не позволяло. Энергетики Камилла называла своей кровью, пиццу – своей плотью, и без них не было ей жизни. Придётся выйти в магазин. Придётся встретиться с людьми. Придётся держать лицо. Впрочем, лицо она старательно скрыла – натянула шарф до носа и капюшон до глаз.

Это совсем не больно – убеждала она себя, – это как говорят врачи, раз – и всё! Даже комарик больнее кусает. А потом вернуться домой, взяться за работу, продолжить писать программу, читать на самых логичных языках, не допускающих глупых исключений и трояких толкований – на языках программирования.

Взвизгнула молния на куртке, шикнули шнурки на ботинках.

Рюкзак был слегка порван – у замка зияла чёрная микродыра, по-шпионски озирающая квартиру. Обозвав себя дурой, Камилла одним движением закинула рюкзак на плечо и шагнула к входной двери. Ища поддержки, с тоской взглянула на электрогитару, мигавшую бликами у окна в зале. Щёлкнула замком двери, набрала воздуха и перешагнула за порог.

Дальше, как всегда, в мире за пределами квартирных стен, всё туманно мешалось, словно во сне.

В магазине пахло мокрым тряпьем, кислой капустой и чистящим средством. Камилла поморщилась и пошла вдоль стеллажей. Ей нужен *только энергетик, лишь энергос,*

дюжина банок, всего только энергия жизни, механически фасованная мёртвым металлом в алюминиевые сосуды. Ритуальные канопы, продаваемые воскресшим мумиям. Они все – мумии, человеком был один Христос.

Камилле показалось, что она идёт вдоль полок с бальзамированными трупами в древней гробнице. Она внутренне сжалась, мысленно давая себе пощёчину и пытаясь приструнить буйное воображение.

Только энергос, кровь душевных жил.

У мясного прилавка стоял мужчина, он держал в обеих руках пачки с сардельками и поднимал то одну, то другую, словно взвешивая и пытаясь определить, какие по составу подходят для насыщения его плоти, какие станут донором его сытости. Такой важный и глядящий в незримую даль отрешённо и неразрешимо, он как будто взвешивал на весах судьбы свои деяния, одинаково пересолённые и сочащиеся жиром, возможно, выразившим ненасытность, а возможно, непомерное самодовольство.

Только энергос, энергии вброс.

В коридоре с амброзией, воспламеняющей кровь и приглушающей разум, тоже стоял мужчина, высокий, с выступающим лбом и подбородком, он хмуро смотрел прямо перед собой в одну точку и прижимал пса, такого же, как хозяин, массивного шпица, весело улыбающегося чему-то загадочному и никому неведомому. И было похоже на то, что мужчина вымеряет, на сколько бутылей «Шихана» можно обменять своего улыбчивого сфинкса.

Только энергос, иначе уйдёшь бос.

В холодном хранилище белой крови матери-природы расхаживала женщина с волосами, пшеничной соломой торчавшими из-под потёртой серой беретки. Женщина разглядывала молочные продукты с гипнотической зачарованностью. И почему-то водила пальцем вокруг рта, не по губам, а именно вокруг рта, точно примеряя, каких размеров ей нужно иметь рот, чтобы выпить всё млеко мира.

Только энергос, пока не одолел склероз.

В бакалейных рядах, как в чумных ямах с трупами, были навалены овощи-фрукты-плоды земли и деревьев, гниль и падаль. И как сумасшедшая садовница, над ними склонялась изогнутая, с длинной шеей женщина, напоминающая кобру, только с отвисшим пузом. На кончике носа у неё висела ярко-

зелёная козявка. Или недозревшая горошина. Сальные волосы облепили лицо женщины и переливались скользким, как на чешуе, отсветом. Одну руку она согнула в кулак и упира- ла в бок и будто бы заключала про себя, достаточно ли пло- хи плоды, чтобы можно было устроить продавцам скандал, а другой рукой почёсывала левое бедро, обтянутое джинсой.

Только энергос, и никаких роз!

Мимо горшков с цветами – к глянцевым пачкам чипсов – к стильно переливающемуся алюминию, расставленному кое- как на многоярусной полке, но этот алюминий тем и приме- чателен и уникален, что неважно, как его расставлять – всё равно выглядит экспонатом на модной выставке.

Раз банка (с ягодами) – два (с кокосом) – три (с кактусом) – четыре (уже и неважно) – пять (это мантра) – шесть (моленная посреди захоронений в крипте)...

Тринадцать – на кассе считают долго, долго проверяют товары, пока не протянется одобрительное «пи-и». На по- купательницу смотрят самые разные по выражению чувств взгляды, кажущиеся знакомыми, почти родными и оттого не- выносимо раздражающими.

Какая-то женщина, оставшаяся в круговороте стеллажей и товаров, отдалённо произносит завет: «Нельзя купить один йогурт или один чай. Непродуктивно так с продуктами делать. Да и неприлично. Надо ещё что-то».

Больше ничего, только энергию, закованную в алюминий!

Дверной замок щёлкнул с усталым треском, Камилла пообещала ему не совершать былой ошибки и закупаться впрок, чтобы ещё реже выходить из дома. Заперев дверь, Камилла с усилием выдохнула, настоящая героиня, пережившая мясо- рубку.

С ребячьей бодростью расстегнула куртку, расплела шнур- ки, бабочкой, вылупившейся из кокона, порхнула в кухню. За- поздало юркнула обратно, выволокла из коридора пакеты. Будто завёрнутый, таинственный подарок, с нетерпением вы- валила покупки на пол. Посыпались четыре банки с энерге- тиком, две с пивом, морковь в упаковке, фасованные яблоки, консервированные горох и фасоль, палка колбасы и узелок сарделек, коробка молока и пачка творога – всё чужие задум- ки, чужие пищевые привычки, обломки чужого быта.

Камилла скуксилась, еле преодолевая нервную дрожь губ. Она всё делала для того, чтобы никто не вмешался в её жизнь,

чтобы паразиты человеческого вида не проникли ей под кожу с их ненасытным желанием править, властвовать и подчинять. И они всё равно... опять... Кого ненавидеть за это – себя или их, сокрушалась она, пока обозлённо собирала разноцветные банки с пола. Нарочито оставила остальные покупки на полу, точно наказанных игрушек.

Внутренней, заглушённой частью сознания она знала, что съест и выпьет это всё. Не сразу, но со временем поглотит, мирясь с вынужденностью положения. Потому что не только энергетик даёт энергию, только пищей сыт не будешь, только влагой не утолишь жажды, в одиночестве не укроешься

ИЗГНАНЬЕ ЛЖИ

Рассказ

Так годы лучшие мои уходят на изгнание лжи – вот о чём я думаю, сидя посреди ночи на скамеечке во дворике недалеко от дома. Точнее, в квартале от дома. Сижу. Курю.

Пепел разлетается, опадая наземь вместе с листвой. Увядает лето, увядает зелень, увядает молодость.

Все падают и увядают в земле. Из земли выходим, в землю уходим. И даже ложь, сгорая с пеплом, летит к земле. Только ложь не увядает – затирается под подошвами, въедается в ступни, проникает в кожу, как вирус, цепляясь за волокна, попадая в кровь, а там и в мозг.

Я признаюсь, я обязательно скажу матери, что курю! *Не скажешь!* – перебивает внутренний голос, который знает меня лучше, чем мать, отец или всеведущий высший разум.

Затягиваюсь сигаретой, не сразу выдыхаю. Белый стебелёк меж пальцев пламенеет и источает тлеющий точечный пламень. Плотный дым вытекает из ноздрей тонкой струйкой. Нет, ложь так просто не изгнать, она хоть рассеивается вместе с дымом, но оседает в нижних слоях атмосферы подсознания, загрязняет природу человеческих сердец, портит климат честности, дурманит умы.

Ложь – это кишечная палочка, проникающая в рот вместе с дымом и оставляющая прогорклый табачный привкус. Да, именно – ложь имеет привкус табака, раковой болезни, разлагающей организм и развращающей суть.

Но ведь болезнь можно вылечить, организм всегда вырабатывает антитела. *Антитела – признание лжи, а вакцина против лжи – правда.*

Но ведь не так всё просто, не так всё просто! Нервно стряхиваю пепел. *Нет, всё просто! Сказать правду проще, чем наматывать клубок врак!*

Вот зачем ты куришь? Ради ощущения вседозволенности, это дело ясное. Назло прокламаторам сусальных истин добра борюсь с эпидемией неволящего ЗОЖа, делающего зависимым от культа здоровой еды...

Оправдательный бред! А наплевать, что бред, главное, чтобы мне было удобно и спокойно. А то мне двадцать, а я уже одна из носителей чумного невроза. Не того жиденько-розовенького неврозишки, при котором чувствуешь себя страшно недовольным жизнью и голосишь об этом в каждое раскрытое ухо, а другого, крадущего здоровый сон, подсовывающего в стопку тихих мыслей гадкое недовольство собой, гонящего тревогу по крови, физически ощутимую тревогу, отзывающуюся тупой болью в ногах и мигренью. Невролог уже не знает, что прописывать от этой боли – отказывается верить, что тревога может вызвать боль. Беленький стебелёк между пальцев – это меч, единственный способный отогнать тревогу.

Я же всегда считала себя этакой леди-денди. Мне и говорят, что я злая на язык, злонравная и злонамеренная. Натуральная леди-денди. *Леди-денди холостого века.* Да, пожалуй, что холостого века, ибо в наше время что ни делается, то вхолостую. И люди такие же – холостые в буквальном и фигуральном смысле. У меня каждый второй знакомый-приятель-друг одинок, как дикий полоз, и притом все мои друзья мнят себя кое-чего добившимися, но позорно курят в тенистых тесных улочках, где не видят близкие, тая от матерей пагубную привычку. При всех – мачистые, самоуверенные, самодостаточные, а при маме – святые аскеты. Одно внешний облик, а другое – правда. Внешний облик и должен оттенять истинный характер, обнажаемый лишь наедине с собой.

Ты даже наедине с собой тщедушная и беспокойная! И если бегаешь курить в соседний двор, то оглядываешься по сторонам, как свихнувшаяся от мании преследования, трясешься, что тебя увидят соседи и обо всём доложат матери! Да, всё так. Даже на улице частенько озираюсь, ожидая, что какой-нибудь знакомый мамы увидит с сигаретой, или что

она сама пройдёт мимо. Ведь знаю, что она меня прильёт, последней тварью окрестит, если узнает о моей маленькой привычке, и страшусь.

Да пусть хоть прильёт, зато помрёшь свободной! Какое-то металлическое звяканье раздаётся в знаменательном подтверждении.

Вот как достаётся независимость от родительской опеки, вот как достигается так называемая сепарация – через самоотречение, непризнание норм, которыми вскармливали с пелёнок.

Нет-нет, курить действительно вредно, и независимость не может быть полной, если имеешь какую-то вредную привычку, владеющую телом и разумом. Это ходульная независимость, холостая – сообразно времени.

Нет, надо поставить вопрос ребром – либо откажусь от курения, либо признаюсь матери! Но раз от первого отказаться я не могу, ибо тогда выдохнется какая-никакая поэтика моего маленького существования, и нечем будет унимать тревогу, то остаётся только второе.

Сигарета догорает, мглистый пепел осыпается на сумрачно-чёрный асфальт. Да! Я подпрыгиваю на месте, яростно отбрасываю окурок в сторону. Сейчас же приду домой и признаюсь матери! Уже завтра осень, хоть чем-то это бессобытийное лето должно запомниться! А осенью будет последний курс учёбы, будет преддверие сепарации и полное доверие с матерью! И, конечно, дозволенное курение!

Луна такая близкая, досягаемая, круглолицая и жёлто-янтарная, как чеканный червонец – почитай ночное солнце. Это к добру. Дневное солнце улыбается подвигам и свершениям, а солнечная луна благоволит признаниям и установлению доверия.

Прибавляю шаг. Выныриваю из неродного дворика, стараюсь унять урчание в животе. Меня слегка качает, но я мчусь, рассекая воздух, как на колеснице триумфатора.

Только чем ближе к дому, тем быстрее тают силы. И не потому, что моё желание признаться гаснет. Желудок скручивается в тугий узелок. Меня уже не качает и не кружит даже, а натурально колбасит.

Металлическая крыша нашего с матерью одноэтажного домика раззолачивается под лучами ночного солнца, а меня сильнее мутит. Полуживая, с перетрусившей душонкой

плетусь к забору дома, затенённого, чёрного – фонарей у грунтовой дороги, в частном секторе не ставят.

Как слепой крот, тыкаюсь в забор. Желудок вот-вот вывернет в двух шагах от дома. Нет, так не пойдёт. Позорно это будет, и мать заругает.

Сую руку в задний карман джинс, ищу ключ и с дрожью понимаю, что его нет. Припадаю к калитке головой, надеюсь остудить холодной сталью горячий лоб. К чёрту, прямо здесь буду изрыгать обиду, и пусть соседи смотрят, завидуют моей раскованности и оскорбляются тем, что мне на них начхать-наплевать-наблевать.

Рука сжимается в кулак и опускается на полотно калитки тяжёлыми ударами. Бух-бух-бух. Не пойму, это рвота бьётся о стенки желудка, или я стучу? Звуки сливаются с ощущениями. Ничего не вижу, закрываю глаза от бессилия. Опаду здесь, как листик, и помру.

– Ну, чего стучишь? Стучишь-то чего? – раздаётся недовольное бухтенье. – Всех соседей перебудишь. Опять пьяная явилась, зараза? А сама мусор пошла относить. То-то и оно что на ночь глядя. И как только успела, зараза такая! Тебя полчаса не было дома! Полчаса!

Выкрики сопровождаются барабанно громкими шагами, а затем противным щёлканьем щеколды. Щценк! Как по команде, выпрямляюсь. Неважно, в каком состоянии я прихожу домой – мать всегда встречаю с выпрямленной спиной аристократки на балу. Эта священная заповедь невымываемыми чернилами прописана на скрижалях моего бытия.

Всё, меня не тошнит, это мне показалось. Высоко подняв голову, захожу во дворик под крики матери.

– Я трезвая. Просто ключ потеряла!

– Чего-о! Паскуда неблагодарная!

Её громовое восклицание бьёт под дых. Вмиг перегибаюсь, изогнувшись в спине, как котяра от ужаса, и бегом в туалет, ничего не видя, ничего не слыша, ни о чём не думая, кроме того, чтобы поскорее выдавить из тела накопившуюся желчь обиды.

Согнувшись в три погибели и проталкивая пальцы в рот, изрыгая кислую жижу, больше похожую на собачьи харчи, перебираю в голове всё, что съела за день. Может, просто переела? *Да тебя рвёт ложью! Ложжью, лжи ты переела, и она лезет изо всех щелей!*

В унисон с внутренним голосом из-за двери туалета раздаются гневные крики. Уловив секунду между рвотными позывами, дёргаю щеколду на двери нужника. Щценк! И меня снова выворачивает наизнанку.

– Ты как проблюёшься, тут же пойдёшь искать ключ, поганка! – стучится мать. – Поняла?

«Поняла», – хочу выдавить, но выходит гортанное бульканье.

Я ей признаюсь, обязательно признаюсь. Только про мою желудок. Правду надо подавать чистой и голодной, чтобы после признания тут же пойти есть, если не в силах больше держаться на ногах, от слабости не слыша ответной ругани, думая только о еде.

Вот тебе и леди-денди, ха-ха-ха! Противный голос взрывается от смеха, так что чудится настоящим, а я взрываюсь новым потоком жёлто-зелёной муты, которая кажется выдуманной.

Разгибаюсь. Пот клейкими каплями облепляет лицо. Душно, как в адской бане. Надо выйти на улицу, иначе лопну от перегрева.

Выхожу в коридор, переступаю медленно, неуверенно, словно только учусь ходить. Замечаю, что не успела разуться, а значит, мать будет ругаться, а значит, придётся мыть полы, а значит, придётся искать силы на внеочередные телодвижения.

Ускоряюсь, чтобы не попасться на глаза матери, заваливаюсь на входную дверь, щёлкаю замок. Бух-бух-бух! Мать выходит в коридор – полюбоваться на своё позорное отродье.

– И полы потом помоешь!

Не успела, тетёха! *Леди-денди, ха-ха-ха! Леди-бренди, леди-дылда, леди-дубоног!*

Снаружи так темно и так хорошо! Сую руку в носок правой ноги, проверяю пачку. Нет, сигарета испортила бы этот миг.

В состоянии притупленности мыслей и оглушённости духа, бледная тень себя, бреду по грунтовой дороге. Смотрю себе под ноги, никого не видя, ничего не слыша, не думая ни о чём, кроме ключа. Смутно замечаю, как щебень под ногами сменяется сумрачно-чёрным асфальтом. Ни души вокруг. Лишь тишина, навевающая испуг. Но только не на бледную тень, разносящую жуткую кислую вонь, бредущую по сумрачно-чёрной дороге.

Даже собаки молчат, то ли сочувствуя, то ли поминая минутой молчания закрепощённую, незрелую тень. А ведь она только хотела воплотиться в независимое существо. Не будьте так суровы, невидимые судьи! Это апробация сепарации.

Какая же длинная бессветная дорога, требующая бессметного числа шагов... И фонари только у шоссе будут. Между тем по сторонам тянутся ряды домишек, одинаковыми треугольными силуэтами крыш, создающих тошнотворное однообразие и навевающих дурную качку. Унимаю бешеные вихри в животе, но дойдя до тёмного закутка у шоссе, образованного близко стоящими друг к другу домишками, обессилено остаю навливаюсь.

Свет фонарей у шоссе невыносимо режет глаза. Сгибаюсь, утыкая ладони в колени, часто дышу. Тут, в закутке, нет асфальта, только влажная трава и рыхлая почва. Из земли выходим, в землю уходим... Из меня вырывается жгучий водопад.

Это моё подношение матери-земле, расплата за все окурки и пепел, которыми я её травила. Мы квиты. Но лучше об этом моменте расплаты не вспоминать ни в ближайший час, ни в ближайшую вечность. И вообще не думать, что меня мог кто-то увидеть. Ай, да пусть докладывают матери, всё равно она знает, что я дурёха-тетёха – и та мать, что верещит, и та, что носит.

Перехожу шоссе. Ни машины. Ни души. Вот эта трёхэтажка у шоссе охраняет заветный дворик. Всего лишь кирпичная глыба, а за ней другой мир, другие страсти, за ней я превращаюсь в леди-денди. *Леди-дубоног!*

Сейчас я ни в чём так не уверена, как в том, что ключ у лавочки. Его могла обронить только беспечная леди-денди, а никак не примерная дочка-праведница.

Надо всего лишь обогнуть здание, и прямо у первого подъезда – фигурная лавочка, эдемовый раскидистый тополёк над ней. Они вместе заряжают воздух поэзией, плодородной на высокие думы и внезапные вспышки озарения.

Но обогнуть здание я не могу. Желудок взмывает бурный ураган и, привалившись к стене, я удобряю почву новыми дарами. Потом ещё, и ещё... Рука сползает, я сгибаюсь ещё ниже, подгибаю колени, точно земля притягивает, чтобы уложить на лопатки и пригвоздить к себе навсегда, отобрать от другой, надземной матери, уберечь от её брани. Из земли выходим...

Нет, я ещё не готова, я ещё хочу наземной жизни! Молюсь, чтобы кто-нибудь прошёл мимо или высунулся из окна, чтобы воззвать к приличиям, он бы заставил меня вспомнить, что я примерная дочурка-праведница, а праведницы не блюют, согнувшись в три погибели у стены, как портовая порочно-сточная дрянь. Такое ещё позволительно леди-денди, да и то если ей вскружит голову поэзия винных паров. Очень редкое явление вообще-то. Что же это такое? И ведь никто не выходит, хотя должен же кто-нибудь в этом доме слышать, как я пачкаю стену их жилища. Что же здесь за люди живут! Сплошные денди и таких же денди поощряют! *Денди-шменди-хмеленди-блевенди!*

Господи, я готова в тебя уверовать, только сделай так, чтобы я пережила эту ночь, пусть она пройдёт быстрее, эта дурная ночь!

Но проходит целая жизнь, прежде чем я распрямляюсь, утираю губы и лицо рукавом и дохожу до угла трёхэтажки, держа слизистую кисть подальше от лица, точно она не моя. Срываю листик с раскидистого эдемowego тополька. Отираюсь.

Ключ лежит у лавочки, никем не поднятый, никем не замеченный, лежит у длинного окурка с обожжёнными зубастыми краями. *Докуришь что ли?*

Но сил курить, двигаться и что-либо делать нет. Только смотреть и ловить в сети полого сознания редкие едкие мысли.

Гипнотизирую взглядом окурков, в носу щекочет подлое насекомое – желание вдохнуть никотину, нервы щипает привычка курить для облегчения нервов и притупления тревоги. Смотрю на ключ, кишки скручиваются от непонятного ужаса, к горлу подползает тошнотворный ком. Что лучше – старый-добрый-знакомый невроз, вырванные у обыденности поэтические секунды любования собой в туманных клубах дыма и уже привычные головные боли по ночам или же неизвестность, добытая горьким признанием непутёвости моего воспитания, и разбитое сердце матери, и долгое, а может, и неосуществимое примирение? Да зачем же вообще дана возможность выбирать, если это так тяжело, если это сплошные кочки на дороге будних дней и сбивание с привычного пути, и гаденькое ощущение своей неудачливости и неудачности своего воплощения на земле. Лучше бы никогда не дана мне была возможность выбирать, лучше бы кто-нибудь давал указания, пусть бы хоть какая идеология или там диктаторская длань. Но нет.

Выбирай – оставишь пачку здесь, либо всё расскажешь матери, но просто так не уйдёшь! *Выбирай, леди-тетёха!*

Когда я возвращаюсь домой, чернильная тьма уже раздвигается, впуская первые утренние всполохи по восточной сфере небосвода. Вспоминаю, что жёлтая луна – к бушеванию ветров, а не к значимому признанию и удачным переменам.

Шагаю, совершенно выпрямившись, совершенная развоплощённая тень, совершенно не обращая внимания ни на запахи, ни на свет фонарей, ни на силуэты домов, но всё видя и всё слыша, в здравом уме. И даже не думаю, что меня могут заметить соседи, ведь им не на чем меня ловить и не о чём докладывать матери, кроме того, что они видели совершенно прозаическую и совершенно независимую тень.

Мама дома обнюхивает и силится прицепиться к чему-нибудь, но даже ей жалко меня, и она молчит, не напоминает ни про какие полы, она раскаивается, что выгнала меня в ночь, видит, что произошло нечто важное, ведь не зря же домой вернулась совершенная тень.

– Нашла ключ?

– Да... – поднимаю на неё взгляд. – Мама, я сегодня бросила!

– Что бросила?

– Так... привычку поэтизировать.

г. Оренбург